

Теория и история культуры, искусства

УДК : 130.2

Сулимов С. И.

(д. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет

(г. Воронеж, Россия)

Черниговских И. В.

(к. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий

(г. Воронеж, Россия)

СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

***Аннотация.** В данной работе проводится поиск социальных, политических и религиозных причин, побудивших московских князей во второй половине XV века выбрать оригинальный путь исторического развития. По мнению авторов, одним из самых важных факторов, способствовавших возникновению учения о Москве – третьем Риме было периферийное положение средневековых Киева и Москвы в православно-христианском мире. Падение Константинополя позволило московскому княжеству претендовать на роль метрополии православия.*

***Ключевые слова:** философия истории, исламизация Поволжья, христианизация Литвы, Москва – третий Рим, имперская идеология.*

Sulimov S.I.

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University

(Voronezh, Russia)

Chernigovskikh I. V.

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies

(Voronezh, Russia)

SOCIO-SPIRITUAL REASONS FOR THE EMERGENCE OF THE CONCEPT «MOSCOW – THIRD ROME»

***Abstract.** This work searches for social, political and religious reasons that prompted the Moscow princes in the second half of the 15th century to choose the origi-*

nal path of historical development. According to the authors, one of the most important factors contributing to the emergence of the doctrine of Moscow - the third Rome was the peripheral position of medieval Kyiv and Moscow in the Orthodox Christian world. The fall of Constantinople allowed the Moscow principality to claim the role of the metropolis of Orthodoxy.

Key words: *philosophy of history, Islamization of the Volga region, Christianization of Lithuania, Moscow – the third Rome, imperial ideology.*

Философско-историческое учение о Москве – третьем Риме, то есть преемнице Римской и Византийской империй как хранителей православия, в позднее Средневековье и Новое время сыграло роль имперской идеологии, позволившей Московскому княжеству объединить великорусские земли и трансформироваться в царство, а затем начать политическую и духовную экспансию во всех доступных направлениях. Но, следует признать, что Московская Русь XIV-XV вв. вовсе не являлась всемирно известным очагом духовной культуры или центром политического притяжения для потенциальных вассалов. Поэтому неизбежен вопрос: в силу каких исторических и духовных обстоятельств на далёкой периферии греко-православного мира вызрело учение, ставшее настоящим знаменем возрождения православия и становления империи, подобной которой прежде в мире не было? В данной работе мы предпримем попытку ответить на этот вопрос, анализируя исторические события XIV-XV вв. и сопутствующие им религиозно-философские учения.

В Киевской Руси существовала серьёзная философская традиция, затрагивавшая, в том числе, социально-философские и философско-исторические вопросы. Такие авторы, как преподобный Иларион Киевский, митрополит Климент Смолятич или преподобный Нестор Летописец Печерский, вовсе не были подражателями и компиляторами греческих идей. Однако ни один из них не стремился сформулировать какую-либо модель идеального общественного устройства. Даже преподобный Нестор Летописец, целенаправленно выявлявший алгоритм исторического процесса, ограничился тем, что рекомендовал князьям из династии Рюриковичей придерживаться семейно-феодальной системы правления, то есть предлагал консервировать современный ему политический строй [1, с. 48]. Имея широкий исторический и географический кругозор, святой книжник не был апологетом никакой империи, а многие масштабные политические события объяснял реакцией Бога на благочестивые или греховные поступки людей. Не исключено, что именно из-за такой ориентации на трансцендентное вмешательство в людские дела набеги кочевников евразийской степи не привели к осознанию жителями русских княжеств своего единства, а воспринимались исключительно как небесное возмездие за грехи отдельных князей.

Татаро-монгольское нашествие не сплотило правителей и их подданных для борьбы с общей угрозой, но навело русское духовенство на мысль о необходимо-

сти всенародного покаяния. Идея эта не была бесполезной: в частности, благодаря ей на Руси прижился исихазм, а затем началось возрождение православной Церкви уже на московской, а не киевской основе [2, с. 167]. Но ни апологет всенародного покаяния святитель Серапион Владимирский, ни яркий представитель русского исихазма преподобный Сергей Радонежский не обсуждали политических вопросов и никакого оригинального государственного устройства не проектировали. Политические же лидеры – тверской, московский, рязанский и иные князья – не мыслили вне масштабов своих княжеств и считали крупным политическим успехом получение великокняжеского ярлыка из рук татарского хана, то есть не претендовали на большее, чем поддержка иностранного сюзерена против своих же соотечественников.

Постепенное усиление Московского княжества позволяло его правителям навязывать свою волю другим князьям, но в сущности ничего не меняло. Поэтому искать причины возникновения имперской идеологии в собственно русской духовной и политической жизни эпохи расцвета Средневековья бесполезно. Источник иного, не консервативного и не местнического понимания истории и места Руси в ней обнаружился вне границ великорусских княжеств. Формированию нового, типично русского видения исторического процесса предшествовали три важных события, произошедших за пределами Руси: на востоке, западе и юге.

Первое судьбоносное событие произошло в Поволжье. В 1320 г. татарский хан Узбек принял ислам и объявил его государственной религией Золотой Орды, что объективно ослабило татарскую государственность и косвенно привело её к распаду, однако в долгосрочной перспективе ввело татар в орбиту мусульманской культуры [3, с. 214]. В частности, спустя два века именно мусульманское вероисповедание позволило Крымскому ханству, одному из наследников Золотой Орды, оказаться под защитой Османской империи, султан которой считался халифом, то есть духовным лидером «правоверных» [4, с. 118-119].

Вторым важнейшим для русского общества событием стало обращение в католицизм Великого княжества литовского. На протяжении почти двух столетий тевтонские рыцари атаковали это языческое государство под предлогом его христианизации и буквально силой развернули литовцев лицом к Западной Европе. В 1387 г. великий князь литовский Ягайло принудил своих подданных перейти в католицизм, крестился под именем Владислава сам и даже женился на польской королеве [5, с. 195-196]. Как только литовцы хотя бы номинально стали католиками, то оказался возможен союз между Великим княжеством литовским и Польским королевством, который в начале XV века привёл к разгрому Тевтонского ордена и прочно интегрировал литовскую аристократию в ряды западной элиты [5, с. 257]. Оба этих события не касались русских князей напрямую, но если прежде столкновения и альянсы Москвы или Новгорода с татарами или литовцами были частным, никого вне Руси не интересовавшим делом, то теперь Московская Русь оказалась зажата между перифериями двух мощных цивилизаций.

И католики, и мусульмане располагали собственными картинами мира и представлениями о смысле земной истории, и хотя татары для арабов и турок и литовцы для французов и немцев были лишь жителями приграничья, но всё-таки этих прозелитов считали своими, в отличие от православных русских. К примеру, Папа Римский не мог бы объявить крестовый поход против польско-литовского королевства, но вполне мог сделать это в адрес Московской Руси. Точно так же османский султан в более поздние времена смотрел сквозь пальцы на татарские набеги в сторону Москвы, но при этом был готов защищать своих крымских вассалов от ответных ударов.

Формально ни Киевская, ни Московская Русь не были в культурном плане одиноки, входя в состав православного мира, центром которого считался Константинополь, столица Восточной Римской империи. Невзирая на отсутствие серьёзного военно-политического потенциала, империя умело пользовалась своей привилегией столицы православия, например: кандидатуры митрополитов Болгарии, Грузии и Руси если не всегда назначались, то всегда утверждались (или отвергались) константинопольским патриархом. Монастырский устав, по которому жили русские обители, также был заимствован из Византии. Авторитет императора и патриарха признавали даже иноверцы, и поэтому русские князья могли не задумываться о судьбах мира. Ведь, по их мнению, далёкие, но очень серьёзные мудрецы и политики в Константинополе обо всём уже успели подумать.

И вот, в 1453 г. произошло третье важнейшее для Руси событие: войско османского султана Мехмеда II взяло штурмом Константинополь, положив конец существованию Восточной Римской империи. Последний император погиб в финальной схватке, а переживший падение города патриарх стал подданным правителя-мусульманина [6, с. 71]. Христианские государства Балкан и Закавказья (Болгария, Сербия, Грузия) чуть раньше или чуть позже тоже были аннексированы Османской империей, медленно, но неумолимо занимавшей положение столицы исламского мира. С 1453 г. Русь оказалась единственным в мире независимым православным государством, то есть страной-одиночкой между мусульманской и римско-католической цивилизациями. При этом сам по себе ни один из князей не смог бы качественно изменить политическую и культурную структуру Руси, до недавнего времени духовно зависевшей от Византии и платившей мусульманам-татарам дань.

На рубеже XIV-XV вв. московские князья превратились в самых влиятельных русских правителей и добились безусловного доминирования на Руси. Например, титул великого князя уже больше столетия принадлежал именно им. Однако никакой духовной санкции для объединения под своей властью русских княжеств они не имели, равно как не имели и официального повода для отказа от выплаты дани татарам. Например, рязанский князь или выборные старшины Псковской республики не понимали, почему именно Москва должны быть центром новой Руси, и нередко шли на соглашение с иностранными правителями.

Новгородская республика открыто ориентировалась на польско-литовское государство и поддерживала тесные контакты с немецкими купцами Прибалтики [7, с. 329]. Рязанский князь балансировал между татарским ханом и польско-литовским королём. Татары нередко вмешивались в княжеские междоусобицы на правах союзников того или иного князя и как бы отрабатывали полученную дань, тем более, что некоторые ханы и князья приходились друг другу родственниками благодаря династическим бракам. Ситуация осложнялась распадом Золотой Орды на несколько других Орд, каждая из которых имела своего хана, и уплата дани одному из степных правителей не гарантировала московскому князю лояльности всех татар.

Например, великий князь Дмитрий Донской разгромил татарского полководца Мамай на Куликовом поле в 1380 г., но уже в 1382 г. Москва была разграблена и сожжена ханом Тохтамышем, который правил Синей Ордой и ничуть не интересовался отношениями русских с поволжскими татарами. Объединить же русских князей в централизованное государство, которое могло бы положить конец татарской угрозе, было проблематично потому, что рязанский князь захотел бы видеть столицей единой Руси Рязань, а новгородские выборные старшины не желали менять вечевую демократию на монархию.

Успехи великого князя Ивана III, в 1478 г. присоединившего Новгород к Московскому княжеству и в 1480 г. заставившего татарского хана Ахмата отказаться от взимания дани с русских земель, основывались лишь на силе оружия, которая в любой момент могла оказаться недостаточной. В частности, татарские набеги продолжались, хоть и не достигали больших масштабов, а с запада незаметно, но прочно распространялось польско-литовское католическое влияние. После гибели Восточной Римской империи в Москву прибыли эмиссары Папы Римского, предлагавшие Ивану III перейти в католицизм и получить взамен такую же поддержку против татар, которую Великое княжество литовское получило от поляков против Тевтонского ордена. Но к удивлению современников великий московский князь отказался от соглашения с католиками, предпочтя сохранить верность православию.

Именно в этой противоречивой ситуации была сформулирована философско-историческая концепция, придавшая смысл как культурному изоляционизму Московской Руси, так и трагическим событиям, произошедшим с Восточной Римской империей. Автором её является настоятель Елизарова монастыря (в Пскове) Филофей. К сожалению, о его жизни почти ничего неизвестно, и поэтому сложно датировать его сочинения, объединенные исследователями в так называемый «Филофеев цикл». Считается, что первые два сочинения – послания старца к великому князю Василию III и дьяку (секретарю) Ивана IV Грозного Мисюрю Мунехину – написаны самим Филофеем, а автором третьей работы, именуемой «Об обидах Церкви», является ученик игумена, пожелавший остаться анонимным [8, с. 245].

Основные положения данного учения общеизвестны: базируясь на книге пророка Даниила, Филофей Псковский полагал, что от сотворения мира до конца света будут существовать, сменяя друг друга, четыре христианских царства. Под христианством игумен, разумеется, понимал исключительно православие, справедливо считая католицизм более поздним духовным явлением. Первым христианским царством, по мнению игумена Филофея, была Римская империя, принявшая христианство в правление императора Феодосия I Великого, и раскол государства на Запад и Восток не разрушил религиозного единства. Однако стоило Риму стать престолом самозванного «заместителя Иисуса Христа» (а именно так звучит официальный титул Папы), как Западная Римская империя погибла. Вторым христианским царством стала Восточная Римская империя, вошедшая в историю как Византия, от которой получили христианство балканские славяне и жители Руси. В 1439 г. император и константинопольский патриарх заключили соглашение с католиками, известное как Флорентийская уния: патриарх признал старшинство Папы в обмен на поддержку против угрожавших империи мусульман.

Итог оказался скорым и плачевным: империи не стало, а её столица была переименована из Константинополя в Стамбул. Теперь из всех существовавших ранее православных государств сохранилась лишь Московская Русь, и именно ей предстоит быть третьим и последним христианским царством, хранительницей истинной веры. На перспективу передачи кому-либо этой сакральной эстафеты игумен Филофей смотрел скептически: четвёртое христианское царство должно было возникнуть по Божьему замыслу, но человеческая воля сделала это событие невозможным. Ведь язычников в известном псковскому книжнику мире не осталось, все монархи уже сделали свой выбор в сфере религии, и оказалось, что православие сохраняется лишь в Москве.

Теперь московскому князю остаётся лишь защищать и распространять истинное христианство, потому что делегировать эту обязанность некому, а отказ от неё будет означать прямое вероотступничество. Но данная священная миссия не только трудна, но и почётна, ведь, выполняя её, московский князь становится в один ряд с римским и византийским императорами и, таким образом, принимает духовное наследие Римской империи в обоих её вариантах (Западном и Восточном).

Именно так возникло социально-философское учение о Москве – третьем Риме, сыгравшее на Руси роль имперской идеологии. Ведь именно оно сделало легитимным подчинение разрозненных великорусских княжеств московской короне, то есть превращение Московской Руси в Россию, а великого князя московского – в русского царя. В дальнейшем именно благодаря этой идейной основе Россия уничтожила мусульманскую государственность Поволжья, вытеснила католиков из Белоруссии и Украины, способствовала распространению православия в Сибири и на Аляске, а в XIX в. освободила от мусульманского владычества православных славян Балкан. Далеко не все эти действия давались московской, а позднее – петербургской короне легко или были выгодны государственным мужам XVII-XIX вв.

Однако имперская идея одухотворяла даже те политические начинания, на которые многие монархи и министры по собственной воле просто не решились бы.

В данной работе мы кратко рассмотрели социальные и духовные факторы, приведшие к возникновению учения о Москве как третьем Риме. К таким факторам относится, во-первых, периферийное положение, в котором пребывали Киевская Русь и Московское княжество на окраине православного мира. Религиозные споры, расколы, ереси и сектантские движения, имевшие место в Константинополе, никак не затрагивали русские земли и, тем самым, изоляция способствовала сохранению православия без изменений.

Во-вторых, уничтожение метрополии православного христианства в Византии и вхождение восточных и западных соседей Руси в орбиты иных религиозно-политических комплексов остро обозначили вопрос об историческом пути Москвы и других русских земель.

В-третьих, именно благодаря существованию в Московской Руси собственной духовной мысли, носителем которой являлось монашество, выбор был сделан в пользу русской оригинальности. Можно сказать, что готовые и услужливо предложенные ответы не устроили ни псковского игумена, ни доверявшего ему московского князя. Но ведь именно поэтому окраина двух миров (западного и восточного), перекрёсток евразийской степи с Балтийским побережьем превратился в отдельный мир, который на протяжении Нового времени прекрасно обходился без учителей и ревизоров из каких бы то ни было краёв и стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замалеев А. Ф. Восточнославянские мыслители. Эпоха Средневековья / А. Ф. Замалеев. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1998. – 270 с.
2. Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен / Г. М. Прохоров. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. – 320 с.
3. Шпулер Б. История мусульманского мира. Век халифов. Монгольский период / Б. Шпулер. – М. Центрполиграф, 2020. – 287 с.
4. Сулимов С. И. Халифат: анахронизм или потребность современности? / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, Д. Д. Трегубова // Ислам в современном мире: рецензируемый научный журнал. – 2016. – №4. – С. 115-129.
5. Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси / И. Д. Беляев. – М. : Вече, 2017. – 352 с.
6. Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов / Дж. Гудвин. – М. : Колибри, 2013. – 416 с.
7. Беляев И. Д. История Пскова и Псковской земли / И. Д. Беляев. – М. : Вече, 2016. – 352 с.
8. Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи / С. В. Перевезенцев. – М. : Вече, 2001. – 432 с.